

- Франкфор А.П. 1997: Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций // ВДИ. 4, 60–68.
- Хронология 2005: Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // Тр. ИИМК РАН / В.М. Массон, Ю.Е. Березкин (ред.). СПб.
- Amient P. 1986: L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. P.
- Sarianidi Victor 1998: Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.

ON INTERPRETATION OF MATERIAL SOURCES: SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACH

E. V. Antonova

In this paper, dedicated to the memory of B.A. Litvinsky, the author defends the possibility of combining synchronic and diachronic approach in semiotic study of monuments of preliterate cultures. The object under discussion is the Anau culture and the «Oxos civilization» (BMAC) in Central Asia in the Eneolithic and Bronze Periods (V–II millenium BC), ornaments, anthropomorphous sculpture and glyptics. The accent is put on the ways of transmitting information in societies with simple structure without technical means for communication. Variability of signs in synchronic and diachronic aspects helps to establish the semantics of symbolic signs by means of comparing it with iconic ones. Complication of social structure causes complication of the *Weltbild* and its visual aspect. At the same time, the signs denoting mythic patrons undergo changes. Images of anthropomorphous deities develop and take definite forms under the influence of images used in developed civilizations. The picture of the world begins to be represented not only in symbolic signs, but also in iconic ones.

© 2011 г.

С. Б. Болелов

КАМПЫРТЕПА-ПАНДАХЕОН В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

В статье анализируются результаты раскопок городища Кампыртепа на юге Узбекистана. По материалам, полученным в ходе раскопок, характеризуются особенности планировки, а также облик материальной культуры на ранних этапах жизни памятника. Кампыртепа-Пандахеон, основанный не позднее последней четверти IV до н.э., являлся опорным пунктом на одной из основных переправ через Амударью.

Ключевые слова: Северная Бактрия, эллинизм, Греко-Бактрийское царство, крепость, переправа, жилой комплекс, производственный центр.

Крепость Кампыртепа (другое название Кафыркала) расположена на высокой лёссовой террасе правого берега Амударьи, на территории Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от Термеза. Памятник был открыт Э.В. Ртвеладзе в 1972 г. во время археологической реконсцировки в Сурхандарьинской области¹.

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заведующий сектором Истории материальной культуры и древнего искусства народов Центральной Азии Государственного музея Востока.

¹ Ртвеладзе 1974, 74; Алпаткина 2009, 10–12.

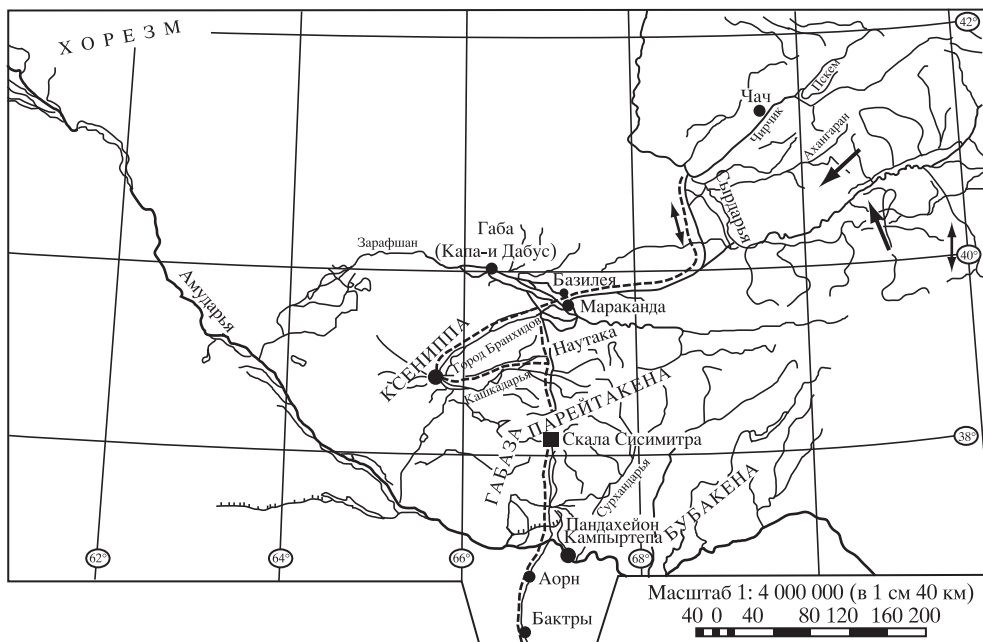

Рис. 1. Карта Средней Азии, конец IV в. до н.э. Маршруты походов Александра Македонского

Раннее поселение возникло на второй надпойменной террасе Амударьи на участке сильно пересеченной местности, изобилующей естественными оврагами-джарами, небольшими, но глубокими котловинами, пологими «цирками» и лёссовыми останцами-возвышенностями, иногда с довольно крутыми склонами. С севера и северо-запада холм, который стал ядром будущего городища, был окружен естественным оврагом. С восточной стороны также был глубокий овраг, который заканчивался широкой ложбиной в устье джара. Склоны восточного оврага и ложбина в его устье и стали ядром первого поселения на этом участке северного берега Амударьи.

Уже на начальном этапе изучения памятник был определен как крепость на древней переправе через Амударью, откуда шла прямая дорога на столичный город Бактры – Балх, до которого от Кампыртепа немногим более 60 км (рис. 1). Э.В. Ртвеладзе было высказано предположение о локализации здесь древнего поселения *Пардагви* (от греческого *Пандахейон*, *Пандоки* – гостиница). Позднее греческое «пандоки», по мнению В. Хенинга, превратилось в «пардавки» (или даже в «пардагви») в одном из согдийском диалектов, что в персидском написании дало форму «Бурдагуй» или «Пардагуи». По мнению Э.В. Ртвеладзе, переправа под этим названием, находившаяся на месте Кампыртепа или расположенном рядом Шуроб-Кургане, по всей видимости, упоминается персидским автором XV в. Хафизом-и-Абру², который сообщает следующее: «Бурдагуй – место на берегу Джейхуна, около Термеза. Говорят, оно существовало задолго до Термеза, и было основано тоже Александром. И это “Бурдагуй” есть греческое название, которое дано ему было тоже при Александре в значении “гостеприимный дом”»³. На основании этих

² Ртвеладзе 2000а, 16.

³ Бартольд 1973, 93.

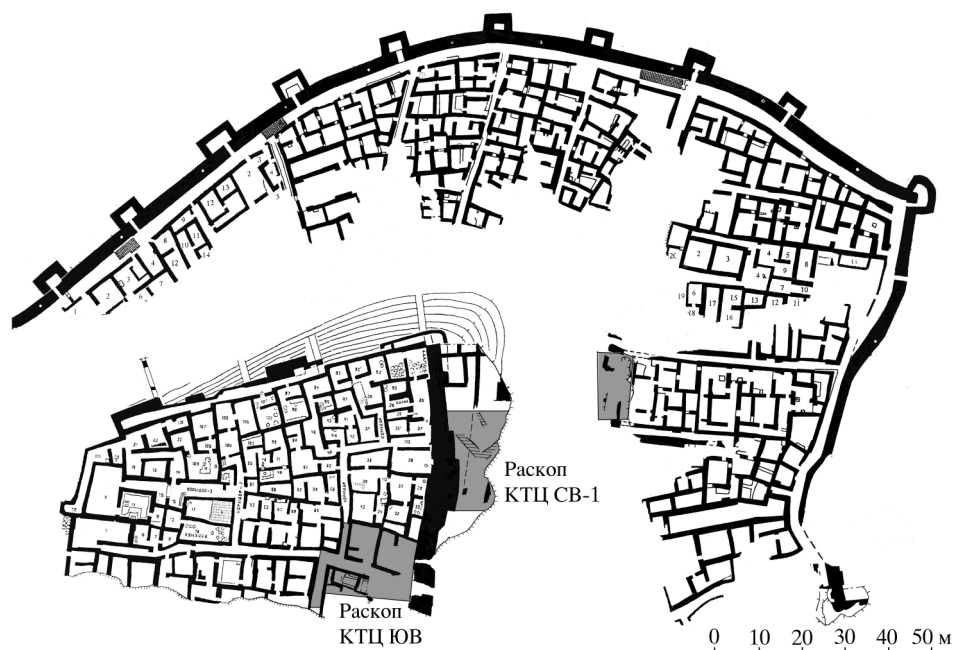

Рис. 2. Кампыртепа-Пандахеон. Генеральный план 2010 (Серым цветом выделены участки, где зафиксированы слои эллинистического периода)

данных, а также, учитывая археологические и нумизматические материалы, полученные на начальном этапе исследования, было высказано предположение о том, что крепость на месте Кампыртепа была основана не позднее начала III в. до н.э.

В настоящее время Кампыртепа является, пожалуй, наиболее изученным в археологическом отношении памятником эпохи античности на территории не только Средней Азии, но и всего Среднего Востока. В результате археологических исследований полностью вскрыто ок. 80% всей площади памятника по уровню верхнего строительного горизонта (рис. 2).

Предварительная периодизация истории существования Кампыртепа была предложена Э.В. Ртвеладзе в первых выпусках «Материалов Тохаристанской археологической экспедиции». Первоначально было выделено четыре периода жизни крепости: эллинистический, кушано-юэджийский, кушанский и период окончательного запустения крепости⁴. В 2001 г. на основе находок парфянских монет в культурных слоях был выделен еще один период – парфянский⁵. Позднее периодизация, предложенная ранее, была уточнена. На основании стратиграфии, полученной в результате исследований на цитадели, было выделено семь периодов обживания крепости. Точнее сказать, выделенные ранее периоды были подразделены на этапы. Так, например, в эллинистическом (греко-бактрийском) периоде (конец IV – середина II в. до н.э.) было выделено три этапа – периоды КТ I–III; раннекушанский период (или юэджийско-бактрийский. – Б.С.) подразделялся на два этапа – период КТ IV (юэджийский, вторая половина II в. до н.э. – первая половина I в. до н.э.) и КТ V (парфянский, со времени Орода II, 59–31 гг. до н.э. и до

⁴ Ртвеладзе 2000а, 5–18.

⁵ Ртвеладзе 2001, 7; 2001а, 89.

начала I в. н.э.); кушано-бактрийский период также подразделяется на два этапа – КТ VI (раннекушанский, первая половина I в. н.э. – время правления Вимо Такто-Сотер Мегаса) и КТ VII (кушанский, вторая половина I в. н.э. – первая треть II в. н.э., время правления Вимы Кдфиза и Канишки I)⁶. Предложенная периодизация ранней фазы существования Кампыртепа подтвердилась результатами раскопок на восточном склоне цитадели⁷.

В 2006 г. в юго-восточной части цитадели был заложен раскоп КТЦ ЮВ площадью 175 кв. м (10 × 17,5 м). Он был ориентирован по линии В–З и разбит в месте пересечения внутриквартальных переулков, относящихся к последнему, наиболее позднему периоду обживания цитадели, который датируется юэджийско-бактрийским или раннекушанским периодом (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) (рис. 2). Ранее на этом участке в результате зачистки промоины были выявлены культурные напластования эллинистического периода мощностью более 7 м и обнаружены остатки построек, относящиеся к самому раннему этапу обживания Кампыртепа⁸. Послойное вскрытие широких площадей было предпринято для того, чтобы, во-первых, уточнить и, по возможности, детализировать предложенную ранее периодизацию; во-вторых, открыть здесь остатки построек и определить характерные особенности планировки и строительной техники, присущие различным периодам существования Кампыртепа.

В 2010 г. раскоп КТЦ ЮВ в центральной и западной частях был доведен до уровня материка. Мощность культурных слоев в западной части раскопа составила более 6 м, а в восточной части раскопа свита культурных напластований была еще мощнее.

В результате проведенных исследований в пределах стратиграфического раскопа в юго-восточной части цитадели Кампыртепа было выявлено пять разновременных строительных горизонтов (периоды КТ I–V), которые соответствуют различным периодам истории памятника.

В данной статье рассматриваются материалы нижних строительных горизонтов, выявленных на раскопе КТЦ ЮВ, на основании которых, как представляется, можно в определенной степени охарактеризовать ранние периоды существования памятника, а также предложить абсолютные датировки для каждого из них.

Первыми жилыми постройками на Кампыртепа были землянки или полуземлянки (период КТ I). Остатки двух построек этого типа (землянки № 1, 2) выявлены в пределах раскопа КТЦ ЮВ. Одна из них, располагавшаяся у подножья холма в ложбине (землянка № 1) была, по всей видимости, *хумхоной*; вторая, находившаяся значительно выше на склоне холма (землянка № 2), возможно, была жилой. Часть еще одной землянки (землянка № 3), также жилой, была открыта на восточном склоне оврага немного севернее раскопа КТЦ ЮВ⁹. Ни одно жилище не вскрыто полностью и по этой причине можно лишь приблизительно судить об их размерах. Надо полагать, они были прямоугольными в плане шириной не менее 3 м. Так как рельеф в этой части памятника был очень неровным, глубина котлованов была различна. У землянок, выкопанных на склонах, одна из стенок, обращенная к вершине холма, была выше противоположной. Возможно, постройка, выявленная на восточном склоне оврага, была полуземлянкой: здесь котлован с востока огра-

⁶ Ртвеладзе 2003, 155.

⁷ Сверчков, Восковский 2006, 26–28; Сверчков 2006, 105–108.

⁸ Мкртычев, Болелов 2006, 43–46.

⁹ Сверчков, Восковский 2006, 21–22.

ничивался пахсовой стенкой, в то время как западная стена жилища представляла собой вертикально подрубленный склон холма¹⁰.

Землянки существовали недолго, о чем свидетельствует весьма незначительный культурный слой на полах этих сооружений. Археологический комплекс (следует отметить весьма немногочисленный), соответствующий периоду КТ I, получен из слоя забутовки в землянке № 1 (КТЦ ЮВ)¹¹ и слоя на полу землянки № 3 (КТЦ СВ-I). В комплексах представлена керамика, которая находит себе многочисленные аналогии в эллинистических комплексах Бактрии¹². Однако некоторые особенности, в частности отсутствие цилиндроконических кубков на дисковидном или кольцевидном поддоне, сравнительно большое количество лепной посуды, дают некоторые основания отнести керамику периода КТ I к раннему этапу эллинистического периода¹³. Предварительно эти комплексы были датированы не позднее начала III в. до н.э.

Данные радиоуглеродного и коллагенного анализов по образцам из слоев периода КТ I, взятых на раскопе КТЦ СВ-I, подтверждают эту дату. По данным радиоуглеродного анализа уголь из нижних слоев землянки № 3 имеет калиброванный возраст 351–299 гг. до н.э. Кости из слоя на нижней террасе, по стратиграфическим данным относящегося к периоду КТ I, имеют калиброванный возраст 357–282 гг. до н.э.¹⁴ Эти даты косвенно подтверждаются радиоуглеродным анализом угля, взятого из горнов, открытых на раскопе КТЦ ЮВ и относящихся к более позднему, второму строительному горизонту. Калиброванный возраст образцов определяется в пределах 375–150 гг. до н.э. и 375–160 гг. до н.э.¹⁵ Таким образом, учитывая стратиграфическую ситуацию, есть основания датировать археологический комплекс КТ I, а следовательно, и первый строительный горизонт Кампыртепа в пределах второй половины IV в. до н.э. Наличие в керамических комплексах указанного периода форм, безусловно, восходящих к греческой керамической традиции, позволяет сузить предложенную датировку до последней трети IV в. до н.э. и датировать комплекс КТ I временем среднеазиатских походов Александра Македонского или немного позднее.

Как выяснилось, переправа через Амударью существовала на этом участке реки задолго до этого времени: на расстоянии чуть менее 1 км к западу от Кампыртепа в 1985 г., также на краю надпойменной террасы, было открыто укрепленное поселение Шортепа, являвшееся, надо полагать, укрепленным пунктом на переправе. Памятник по материалу, полученному в результате раскопок, датируется в пределах V–IV вв. до н.э., т.е. переправа функционировала в позднеахеменидский период¹⁶. По всей видимости, Шортепа был «сторожевым постом». Такие пункты в державе

¹⁰ Сверчков, Восковский 2006, 31, рис. 1.

¹¹ Мкртычев, Болелов 2006, 46.

¹² Сверчков, Восковский 2006, 26–28.

¹³ В ходе работ на Кампыртепа получен многочисленный четко стратифицированный керамический комплекс конца IV – первой половины II в. до н.э. Типологический и морфологический анализ керамики Кампыртепа эпохи эллинизма предполагается опубликовать позднее в отдельной работе. В данной статье дана лишь общая характеристика керамики из слоев выделенных по стратиграфическим данным периодов.

¹⁴ Определения были сделаны в лаборатории радиоуглеродного анализа Института географии РАН.

¹⁵ Анализы проводились в лаборатории радиоуглеродного анализа Университета Барселоны (Испания).

¹⁶ Ртвеладзе 2001, 3–12; Мокробородов 2006, 13–20.

Ахеменидов сооружались на границах между областями, у горных проходов и на речных переправах¹⁷. По-видимому, Шортепа контролировала переправу на торговом пути из Балха (Бактр), столицы Бактрии, на территорию Северной Бактрии и далее в Согд¹⁸.

Возможно, учитывая территориальную близость к столице Бактрии, это была одна из основных переправ на Оксе (рис. 1). Не исключено, что именно здесь переправлялось греко-македонское войско весной 327 г. до н.э. после завоевания горных областей в западной части Гиссарского хребта¹⁹. Принимая во внимание датировку первого строительного горизонта Кампыртепа, можно предположить, что новая крепость, контролировавшая переправу, была заложена Александром Македонским неподалеку от старой, и здесь был оставлен небольшой гарнизон. Сейчас трудно сказать, почему было решено заложить новую крепость, а не использовать старую. Возможно, это было связано с тем, что население Шортепа покинуло его во время первого похода Александра в Согдиану. В связи с этим можно вспомнить свидетельство Арриана, о том, что Бесс, преследуемый Александром в Бактрии, сжег суда, на которых переправился через Окс и ушел в согдийскую землю. За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам²⁰. По мнению Э.В. Ртвеладзе, на переправе было поселение с пристанью, где проживали лодочники. Таким поселением могло быть только Шортепа, так как никаких других крепостей ахеменидского времени в долине Окса/Амударьи от слияния Вахша и Пянджа и вплоть до Керки не зафиксировано²¹. Если это предположение верно, то вполне возможно, что вместе с Бессом, опасаясь мести Александра, из крепости ушло все ее население. Возможно и другое объяснение тому, что для новой переправы было выбрано новое место. Не исключено, что в результате деятельности Амударьи, как известно весьма бурной и своенравной реки, берег около Шортепа был уже не столь пригоден для пристани, и для нее было выбрано более удобное место, где и была заложена новая крепость. Принимая во внимание изложенные выше исторические факты, можно предполагать, что Кампыртепа-Пандахеон был основан во время последней переправы Александра через Окс. Надо полагать, здесь был оставлен небольшой гарнизон для охраны и нормального функционирования пристани на северном берегу.

Таким образом, вполне объясним тот факт, что первыми жилыми постройками на Кампыртепа были землянки. Гарнизон вынужден был быстро устраиваться на новом месте, причем, самым простым и быстрым в таком положении было строительство землянок.

Схожая ситуация фиксируется не только на Кампыртепа. Как показывают результаты раскопок других памятников на территории Северной Бактрии, которые были основаны в конце IV – начале III в. до н.э., первыми археологически зафиксированными жилищами на них были землянки или полуземлянки.

На Дальверзинтепа остатки полуземлянки, датированной концом III – первой половиной II в. до н.э., открыты в северной части городища под «северным храмом». Общая площадь овальной в плане полуземлянки была 9 кв. м, глубина

¹⁷ Геродот. V. 52.

¹⁸ Ртвеладзе 1982, 149–152.

¹⁹ История. 2009, 136–137.

²⁰ Арриан. III. 28.

²¹ Ртвеладзе 2001, 6.

вырубленного в материковом грунте котлована была 50–60 см. В полуземлянку вел вход со ступенькой высотой 15 см. Заметим, что аналогичный вход со ступенькой зафиксирован и в землянке № 2 на Кампыртепа. По мнению исследователей памятника, яма или котлован использовалась для жилья. Возможно, это была полуземлянка типа своеобразного жилища *ката*, представляющая собой круглую или квадратную яму глубиной 30–40 см, над которой устраивалось двускатное или купольное перекрытие из войлока или камыша²².

Надо полагать, в таких же или в близких им по конструкции полуземлянках проживали первые поселенцы Томошотепа в Южном Таджикистане, где нижние части помещений первого строительного горизонта вырубались в материковом грунте, а стенки надстраивались небольшими, различными по форме и величине, блоками пахсы²³. Керамика из ранних культурных слоев памятника находит себе аналогии в комплексах эллинистического периода на территории Бактрии.

Первоначально керамический комплекс нижнего строительного горизонта Томошотепа был датирован в пределах III–I вв. до н.э. Позднее эта датировка была пересмотрена, и нижние слои городища, по сопутствующему материалу, были датированы в пределах V–III вв. до н.э.²⁴ Таким образом, начальный этап обживания городища отнесен к позднеахеменидскому периоду. Однако керамический материал, который представлен в публикациях, не дает оснований относить нижнюю хронологическую границу раннего этапа существования памятника к этому времени. Немногочисленные фрагменты тарных цилиндроконических сосудов и сравнительно большой процент лепной посуды в комплексе не являются достаточно весомым аргументом для ранней датировки комплекса. В группе столовой посуды из тех же слоев довольно широко представлены формы эллинистической керамики, так называемого ай-ханумского типа, которая появляется на территории Бактрии не ранее конца IV – начала III в. до н.э.²⁵ Таким образом, датировку первого периода существования Томошотепа, по всей видимости, следует сузить и датировать ранний керамический комплекс концом IV – III в. до н.э. Между тем многие формы, прежде всего лепной посуды горнового обжига, на памятнике в значительной степени близки керамике, представленной в комплексах так называемого «переходного периода»²⁶, который можно датировать концом IV – началом III в. до н.э. Соответственно этим же периодом, как представляется, можно датировать и ранний этап обживания Томошотепа.

По всей видимости, часть землянки, вырубленной на склоне холма, была открыта на поселении Тепаи-Динистон в Кулябской области на юге Таджикистана. Сооружение было округлым или овальным в плане, диаметром 2,48 м. Стены сохранились на высоту не более 1 м. Отмечена одна интересная деталь: на стенах землянки четко прослеживаются вертикальные прорезы, сделанные приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга. По мнению исследователя памятника, эти

²² Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978, 75.

²³ Абдуллаев, Бубнова, Пьянкова 1975, 249–255.

²⁴ Абдуллаев 1976, 46.

²⁵ Абдуллаев, Бубнова, Пьянкова 1975, 258–261, рис. 3.

²⁶ Этот комплекс впервые был выделен Ш.Р. Пидаяевым на Джагаттепа в левобережной Бактрии. См. Пидаяев 1984, 112–114. На территории Северной Бактрии схожие по набору форм комплексы происходят из нижних культурных слоев крепости Курганзол (Мокробродов 2005, 52–55; Сверчков 2007, 31–37), а также из верхнего культурного слоя усадьбы Гышттепа (Мокробродов 2007, 148–155).

прорези, возможно, имитируют нарезку стен на пахсовые блоки²⁷. Однако нельзя исключать и того, что они имели функциональное, конструктивное назначение. В этих гнездах могли крепиться вертикальные жерди, поддерживающие перекрытие землянки. В ходе незначительных по масштабам раскопок получен немногочисленный, но достаточно представительный комплекс керамики, который уверенно можно датировать периодом эллинизма. В комплексе выделяется фрагмент «мегарской» чаши с растительным орнаментом. Исследователь датировал комплекс II – первой половиной I в. до н.э.²⁸, однако в свете исследований эллинистических памятников последних лет, предложенную дату следует несколько скорректировать. В ходе раскопок Кампыртепа и других бактрийских памятников установлено, что наиболее устойчивым хронологическим индикатором для выделения керамического комплекса конца II–I в. до н.э. на территории правобережной Бактрии является присутствие в группе столовой посуды сравнительно большого количества серо-глиняной керамики, причем, определенных типов²⁹. В керамическом комплексе Тепаи-Динистон серо-глиняная посуда полностью отсутствует. Учитывая это обстоятельство, его нельзя датировать позднее середины – последней четверти II в. до н.э. Вместе с тем в комплексе представлены целые цилиндрикоконические кубки на дисковидном и кольцевом поддоне, а также фрагменты красно-глиняных и светло-глиняных сосудов, покрытые темно-коричневым или почти черным ангобом, которые находят себе многочисленные аналогии в комплексах греко-бактрийского периода второй половины III – начала II в. до н.э. По всей видимости, этим же временем следует датировать и керамический комплекс Тепаи-Динистон.

Еще одним памятником, где обнаружены землянки, относящиеся к начальному этапу обживания городища, является Тахти-Сангин. Здесь, на территории собственно города, к югу от цитадели раскопана прямоугольная в плане землянка размером 3 × 4,5 м с небольшим, также прямоугольным входом³⁰.

Как представляется, приведенные выше факты дают основания считать, что на бактрийских поселениях, возникших на раннем этапе эллинистического периода практически на пустом месте, освоение территории памятника начиналось со строительства землянок, в которых какой-то период времени, надо думать непродолжительный, жили первые поселенцы.

Такая же ситуация наблюдается и в более поздний период. Так, например, самой ранней постройкой на Зартепа, расположенного в 10 км к ССВ от Кампыртепа, была землянка шириной 1,6 м, вырубленная в материковом грунте. По мнению исследователей памятника, подобные сооружения служили жилищами первым строителям города, изготавливавшим кирпич для крепостных стен. Первый этап существования Зартепа датируется или поздним этапом греко-бактрийского периода или самым ранним этапом юэджийско-бактрийского периода (по всей видимости, не позднее конца II – начала I в. до н.э.)³¹.

Назначение и статус Кампыртепа на начальном этапе существования не вызывает сомнения – это небольшой населенный пункт, контролировавший переправу и обеспечивающий ее нормальное функционирование. Крепости, военные посты со строго определенными оборонительными функциями, охранявшие стратегически

²⁷ Денисов 1980, 100–109.

²⁸ Денисов 1980, 108.

²⁹ Мкртычев, Болелов 2006, 51–55.

³⁰ Drujinina 2009, 178–179.

³¹ Массон 1977, 139–141.

важные пункты и размещавшиеся вне городов, известны в государстве Селевкидов³². Видимо, таким постом и был Пандахеон-Кампыртепа.

Первые сооружения из прямоугольного сырцового кирпича на памятнике появляются в период КТ II, который, по материалам раскопа КТЦ ЮВ, подразделяется на два строительных периода: КТ IIa – более ранний и КТ IIб – более поздний. К этому времени относятся постройки, выявленные на трех раскопах на склонах восточного оврага и в ложбине. Жители крепости широко используют навыки террасного строительства. Склоны оврага и центрального холма были основательно подрублены. Постройки располагались на искусственных террасах расположенных на разных уровнях. Безусловно, остатки жилища открыты на восточном склоне восточного оврага. Как можно предполагать, здание состояло из двух помещений, одно из них представляло собой искусственный грот, вырубленный на склоне, второе помещение – площадка на искусственной террасе, огороженная стенами из сырцового кирпича. Кроме того, участок террасы, на краю которой была возведена капитальная кирпичная стена, раскопан на западном склоне того же оврага³³. Во второй период существования Кампыртепа в ложбине к востоку от центрального холма функционирует крупный производственный центр. Видимо, к этому же времени относится гончарная мастерская, раскопанная в окрестностях городища к востоку от цитадели³⁴. Принимая во внимание указанные выше даты, период КТ II, по всей видимости, следует отнести к самому концу IV – началу III в. до н.э., т.е. ко времени вхождения Бактрии в состав Селевкидского государства. Эта датировка подтверждается находками на памятнике селевкидских монет³⁵.

В керамическом комплексе периода КТ II в достаточном количестве представлены формы, которые находят себе аналогии в комплексах эпохи эллинизма на территории Бактрии. Можно отметить фрагменты кратеровидных сосудов и цилиндро-конических кубков на кольцевом поддоне. Вместе с тем в комплексе достаточно широко представлена посуда горнового обжига, изготовленная вручную из хорошо промешанной глины с незначительными примесями, иногда без использования вращающейся подставки. В целом, по видовому составу форм, по морфологическим и технологическим признакам, комплекс КТ II близок комплексу, полученному в ходе раскопок гончарной мастерской к востоку от цитадели³⁶. Первоначально комплекс из мастерской был датирован в пределах всего III в. до н.э., но сейчас, когда на цитадели получен близкий ему стратифицированный комплекс керамики, эту датировку следует сузить и ограничить первой половиной или первой четвертью III в. до н.э.

Во второй период существования крепости на переправе, когда появляются постройки из сырцового кирпича, площадь ее увеличивается. Кроме того, здесь четко фиксируются следы сравнительно крупного гончарного производства. Гончарная мастерская в окрестностях крепости включала в себя двухъярусный обжигательный горн, землянку рядом с ним, площадку для сушки керамики, ямы с производственными отходами. Незначительная мощность культурного слоя и отсутствие стационарных очагов и хозяйственной зоны рядом с землянкой дают основание предполагать, что это было сезонное производство. Такая организаци-

³² Бикерман 1985, 52.

³³ Сверчков, Восковский, 2006, 22; Двуреченская 2006, 118–119.

³⁴ Болелов 2001, 15–24.

³⁵ Ртвеладзе 2006, 5.

³⁶ Ртвеладзе, Болелов 2000, 99–104, рис. 1, 2.

онная форма ремесла, когда мастер-профессионал во время определенного сезона выезжал в сельскую местность и изготавливал посуду на заказ, довольно широко была распространена не только в древности, но и в эпоху развитого и позднего средневековья³⁷.

Одновременно с этой мастерской в пределах крепости функционировало крупное гончарное производство. Всего в пределах раскопа открыто 7 одноярусных двухкамерных обжиговых устройств довольно архаической конструкции, располагавшихся в пределах двух открытых дворов. По всей видимости, производство существовало здесь на протяжении всего периода КТ IIб. По стратиграфическим данным можно выделить, как минимум, три этапа его функционирования.

Производственные комплексы, раскопанные на Кампыртепа, несколько расширяют наши представления о формах и организации гончарного ремесла в период раннего эллинизма.

На основании полученных результатов, по всей видимости, можно говорить о двух организационных формах производства, функционировавших на ранних этапах жизни памятника. В окрестностях крепости работало сезонное производство, где изготовлением, надо полагать, довольно крупных партий керамической посуды на заказ занимался ремесленник-профессионал. Мастерская работала не постоянно, но в течение определенного периода времени года. Надо полагать, здесь производилась высококачественная столовая посуда, а также тарная керамика – относительно крупные сосуды для хранения и перевозки продуктов.

На территории крепости функционировало производство, где, возможно, работали гончары, удовлетворявшие насущные потребности жителей Кампыртепа в глиняной посуде, по мере необходимости, в течение всего года. Надо полагать, это производство не было специализированным, хотя, учитывая размеры обжигательной камеры одноярусных горнов, можно уверенно говорить, что крупные тарные сосуды в этих горнах не обжигались. Вместе с тем вполне возможно, что именно в них обжигались лепные хозяйственные сосуды (горшки и кувшины), которые в количественном отношении являются одной из существенных составляющих керамического комплекса КТ II.

Наличие на памятнике в период КТ II высокотехнологичного ремесленного производства и, по всей видимости, увеличение численности населения крепости дают основания поставить вопрос о статусе и назначении памятника в это время (конец IV – первая половина III в. до н.э.). Надо полагать, основное его назначение – контроль над переправой – остается прежним. Вместе с тем наличие сравнительно крупного гончарного производства, несколько помещений, которые можно идентифицировать как хранилища, возможно, свидетельствуют об определенном расширении функций Кампыртепа в это время. Можно предполагать, что крепость не только контролирует переправу, но становится и торговой факторией – перевалочной базой на торговом пути, соединявшем левобережную Бактрию с областями к северу от Амударьи.

У историков и археологов нет единого мнения о подчиненности территорий к северу от Амударьи в период вхождения Бактрии в состав Селевкидского государства. Одни исследователи считали, что северо-восточная граница Селевкидского государства проходила по Вахшу–Амударье³⁸, другие предполагали, что владения Селевкидов простирались до Сырдарьи, включая Согд и часть Ферганской

³⁷ Болелов 2006а, 122.

³⁸ Зеймаль 1983, 28–29.

долины³⁹. В последние годы количество монет селевкидских царей, найденных в областях к северу от Амударьи, значительно увеличилось, и ареал этих находок расширился⁴⁰. Это дает достаточно веские основания предполагать, что территории к северу от Амударьи или находились под властью Селевкидов, во всяком случае в период правления Селевка и Антиоха I⁴¹, или по крайней мере входили в сферу политического и экономического влияния державы Селевкидов. Следует отметить, что отдельные монеты, преимущественно медные, найдены в различных пунктах среднеазиатского междуречья, в том числе и на городищах. Это, по мнению большинства исследователей, свидетельствует о том, что монеты в это время являлись средством обращения, в какой-то мере обеспечивающим товарооборот в восточной части Селевкидской державы⁴².

Не менее дискуссионным является вопрос о степени эллинизации восточных сатрапий Селевкидской державы. Присутствие греков на территории Ахеменидской державы до прихода Александра не подвергается сомнению и подтверждается письменными источниками⁴³.

Также не вызывает сомнения и тот факт, что в период походов Александра, и в большей степени в период владычества Селевкидов, приток греческого и македонского населения в восточные районы державы значительно увеличивается. Рост городов и развитие городской жизни составляют характерную особенность правления Селевкидов⁴⁴. Классическим примером является почти полностью раскопанный Ай-Ханум, который был колониальным городом с преимущественно греческим населением. Вероятно, он являлся резиденцией царской администрации и метрополией всей провинции, расположенной на далекой восточной окраине государства и контролировавшей минеральные ресурсы горной части Бадахшана⁴⁵.

Вместе тем нельзя не отметить, что влияние эллинистической культуры проявлялось преимущественно в произведениях искусства и парадной архитектуре⁴⁶, хотя отмечено оно и в ремесленном производстве. Так, безусловно, греческая керамическая традиция прослеживается в формах бактрийской столовой посуды периода эллинизма. В то же время большинство хозяйственных и тарных сосудов генетически связано с предыдущей бактрийской традицией. Это вполне объяснимо, если учитывать, что столовая посуда изготавливалась в основном ремесленниками-профессионалами, вынужденными реагировать на спрос потребительского рынка, следовать моде. Надо думать, что с появлением на территории Бактрии групп греческого населения, которые могли принести с собой образцы сосудов с далекой родины, прежде всего столовых, значительно увеличился спрос на посуду, изготовленную в подражание греческим образцам. Именно в это время на территории Трансоксианы появляются «рыбные блюда», полусферические чаши с Г-образным и Т-образным венчиком, кратеровидные сосуды и т.д. Формируется так называемый комплекс ай-ханумского типа⁴⁷. Однако следует заметить, что все эти

³⁹ Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, 42.

⁴⁰ Довутов 1997, 5–8; Абдуллаев 2001, 11–13; Ртвеладзе 2002, 81–85.

⁴¹ История 2009, 145.

⁴² Давутов 1997, 7; Ртвеладзе 2002, 18–21; Бирюков 2004, 11.

⁴³ Кузьмина 1978, 191–199; Пичикян 1991, 110; Литвинский 2010, 29–33.

⁴⁴ Кошеленко 1979, 136–160; Фрай 2002, 193.

⁴⁵ Бернар 1986, 249–252.

⁴⁶ Пичикян 1991, 274–282; Литвинский 2010, 454–461.

⁴⁷ Gardin 1973, 120–188; Шишкина 1975, 60–78; Седов 1983, 171–180; Литвинский, Седов 1984, 125–129; Ртвеладзе, Болелов 2000, 99–104.

упомянутые выше формы в той или иной степени «варваризированы», т.е. не являются простой копией греческой посуды. Возможно, прав Л.М. Сверчков, который предположил, что эллинистический комплекс ай-ханумского типа сложился где-то на Среднем Востоке, на территории от Ирана до Афганистана и уже в готовом виде был принесен к северу от Амударьи⁴⁸. Следует лишь заметить, что данный постулат относится прежде всего к столовой посуде. Кроме того, нельзя исключить и того, что среди греков, мигрировавших в восточные сатрапии Селевкидского государства, были ремесленники-гончары. Об этом может свидетельствовать конструкция некоторых обжигательных горнов, открытых на территории Бактрии. Это округлые двухъярусные горны с опорным столбом в центре топки, поддерживающим плоское перекрытие⁴⁹. По конструктивным признакам они близки горнам периода эллинизма, распространенным на территории материковой Греции, Восточного и Северного Причерноморья⁵⁰ и никак не связаны с местной традицией, являясь прямым заимствованием.

Кроме существенных изменений в составе керамического комплекса каких-либо серьезных перемен в облике материальной культуры рядовых поселений Бактрии к северу от Амударьи в начале III в. до н.э. не прослеживается, а находки греческих импортов исчисляются единицами. Вместе с тем следует признать, что памятники этого периода, в силу объективных причин, основной из которых является многометровая толща «поздних» культурных напластований, перекрывающих слои селевкидского периода, изучены здесь явно недостаточно. Исключением, как отмечалось выше, является Кампыртепа, где слои селевкидского и греко-бактрийского времени вскрыты на сравнительно большой площади. Однако и на этом памятнике, помимо керамики ай-ханумского типа и нескольких черепков с надписями греческим алфавитом, иных проявлений греческой культурной традиции не фиксируется. Достаточно сказать, что горны, отрытые в пределах цитадели на уровне второго строительного горизонта – период КТ Пб, имеют конструкцию, принципиально отличную от греческих гончарных печей. Так, горн, раскопанный к востоку от цитадели, находит себе аналогии на территории Парфии и по конструктивным особенностям отличается от эллинистических горнов с опорным столбом в топочной камере⁵¹.

Еще одним памятником, где в достаточно полном объеме изучены слои селевкидского времени, является крепость Курганзол, нижние слои которой датируются концом IV в. до н.э. Однако и здесь, помимо керамики, находящей себе аналогии в ай-ханумском керамическом комплексе, греческих импортов не найдено⁵². То же самое можно сказать и о других памятниках правобережной Бактрии, где обнаружены слои эллинистического периода (Старый Термез, Дальверзин-тепе, Джандавлят-тепе, Душанбинское городище, Томошотепа). Пожалуй, единственным исключением можно считать археологический комплекс из Тепаи-Денистон, где была найдена «мегарская» чаша, аналогичная таким же сосудам из Ай-Ханум, производившихся, по всей видимости, на месте, т.е. на территории Бактрии⁵³.

Таким образом, по известным в настоящее время археологическим данным можно говорить о том, что к северу от Амударьи влияние эллинистической культу-

⁴⁸ Сверчков, Восковский 2006, 27.

⁴⁹ Veuve 1987, 11; Tanabe, Hori 2000, 131; Восковский 2000, 10–14.

⁵⁰ Керамическое производство 1966, 8.

⁵¹ Болелов 2001, 21–22; Болелов 2010, 26–28.

⁵² Сверчков 2010, 87–88.

⁵³ Денисов 1980, 106–107.

ры было не столь ощутимым, как это можно наблюдать в левобережной Бактрии. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на греко-македонскую миграцию в восточные сатрапии, на которую указывает большинство исследователей, бактрийское население отнюдь не покинуло эти районы. Во всяком случае, не обнаружено каких-либо материалов, свидетельствующих о появлении здесь значительных групп населения с иными этнографическими чертами и иной материальной культурой, нежели основной массив местных жителей⁵⁴.

Количество и концентрация греческого населения в Бактрии нам неизвестны, однако вряд ли вся территория Бактрии была эллинизирована в равной степени. Надо полагать, что точка зрения Л.А. Лелекова, выделявшего лишь отдельные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии⁵⁵, вполне справедлива и для Бактрии, причем применима как к художественной, так и к материальной культуре. Видимо, сходная ситуация была и в северных, и южных районах Ирана, где влияние греческой культуры ощущается значительно меньше, чем, например, в Сирии. В области вокруг Персеполя (Персиде или Парсе), где с середины III в. до н.э. правила местная династия, материальная и художественная культура была мало затронута эллинистическим влиянием и продолжала развивать древневосточные ахеменидские традиции⁵⁶.

Б.А. Литвинский предполагал существование в Бактрии трех зон эллинизации. Первая зона – районы компактного расселения эллинов в полисах и военных колониях⁵⁷. Вторая зона охватывала территории, прилегающие к греческим городам, и характеризовалась тесными бактрийско-эллинскими этнокультурными и религиозными контактами. На территориях, которые входили в третью зону, отмечено проникновение только отдельных элементов эллинской материальной и духовной культуры⁵⁸.

По всей видимости, прав Р. Фрай который заметил: «Греки, поселившиеся в Азии, принесли с собой новые концепции власти, культуры и искусства; они выступали в роли катализаторов, ускоривших процессы развития. Греки не пытались никого эллинизировать: они скорее учили примером»⁵⁹. Можно предположить, что никакой насильственной колонизации, а тем более «эллинизации» на Востоке не было. Греки, пришедшие в восточные области Селевкидского государства, просто занимали населенные пункты или строили новые города и крепости по праву победителей, устраивали быт и управление, согласно эллинской традиции, а местное население с большим или меньшим успехом воспринимали эти традиции.

Городами, где, по всей видимости, преобладало греческое население, были Ай-Ханум, а также, возможно, Балх, являвшийся столицей сначала сатрапии, а затем Греко-Бактрийского царства. Еще одним крупным городом в Средней Азии, в котором археологически зафиксированы следы греческого населения, является Афрасиаб, где найден цилиндрико-конический кубок с процарапанной греческой надписью⁶⁰. К этой же группе памятников следует отнести и городище Тахти-

⁵⁴ Массон, Рамонин 1964, 98.

⁵⁵ Лелеков 1978, 226–232.

⁵⁶ Луконин 1971, 111–112.

⁵⁷ Следует заметить, что пока ни одно поселение III–II вв. до н.э. на территории Средней Азии нельзя соотнести с катойкией, поэтому вопрос о существовании здесь военных поселений остается открытым.

⁵⁸ Литвинский 2010, 460–461.

⁵⁹ Фрай 2002, 194.

⁶⁰ Шишкина 1974, 40, рис. 6, 1.

Сангин, где помимо широко известных предметов эллинистического искусства, являвшихся приношениями храму Окса, найдены фрагменты глиняной формы для отливки бронзового котла с вырезанными по верхнему борту греческими буквами в зеркальном отражении⁶¹, а также надписи греческим письмом на фрагментах керамических сосудов⁶². В этом же ряду стоит и Кампыртепа, где были найдены черепки с надписями греческим письмом⁶³.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти все памятники, где археологически фиксируется присутствие греческого населения, расположены или в левобережной Бактрии, или непосредственно на правом берегу Амударьи⁶⁴. Исключением, как уже упоминалось выше, является Афрасиаб, который, по всей видимости, следует считать крайним северо-восточным форпостом эллинского влияния в восточной части Селевкидского государства.

Таким образом, принимая во внимание концепцию, предложенную Б.А. Литвинским, а также учитывая факты, изложенные выше, можно гипотетически выделить в Бактрии географические зоны эллинизации. Как уже говорилось выше, наиболее эллинизированной была левобережная Бактрия: по Б.А. Литвинскому ее можно отнести к первой и второй зонам. Классическим примером первой зоны эллинизации является Ай-Ханум и, возможно, Балх-Бактры. Ко второй зоне можно отнести как укрепленные, так и неукрепленные поселения в округе этих городов, а также прибрежную зону по обоим берегам Амударьи. Наиболее изученными памятниками, относимыми ко второй зоне эллинизации, являются городища Тахти-Сангин и Кампыртепа. Наконец, практически всю территорию Северной Бактрии, за исключением прибрежной зоны, и горные районы западного Гиссара следует относить, вероятно, к третьей зоне эллинизации.

По мнению П. Бернара, греческая Бактрия, по крайней мере ее левобережная часть, была организована вокруг двух полисов и управлялась двумя большими метрополиями – Балхом-Бактрами на западе и Ай-Ханум на востоке⁶⁵. Список городов, основанных или декларированных как основанные Селевкидами, показывает, что греко-македонские правители более всего заботились об охране путей сообщения и торговли, ведущих от столицы государства – Селевкии-на-Тигре, к форпосту державы на востоке – Ай-Ханум в Бактрии⁶⁶. Надо думать, заботились они и о северных торговых путях, связывающих столицу Бактрии с областями к северу от Амударьи, как водных, так и сухопутных. Важное место в этой реконструируемой системе путей занимал Кампыртепа-Пандахеон – торговая станция на переправе, через которую шла транзитная торговля. Возможно, именно здесь проходила транспортная артерия, по которой товары из Согда и правобережной Бактрии поступали в левобережную Бактрию, где находились основные центры восточной части Селевкидского государства.

Надо полагать, Амударья являлась естественной границей между наиболее эллинизированной левобережной Бактрией и значительно менее испытывавшими влияние эллинской культуры областями к северу от великой среднеазиатской реки.

⁶¹ Дружинина 2005, 91, рис. 1.

⁶² Drujinina 2001, 265.

⁶³ Ртвеладзе 1999, 54.

⁶⁴ В данном случае не принимаются во внимание находки селевкидских монет, так как они могли обращаться на всей территории восточных областей государства независимо от присутствия или отсутствия в них греческого населения.

⁶⁵ Бернар 1986, 253.

⁶⁶ Фрай 2002, 198.

При этом не исключено, что греки левобережной Бактрии воспринимали области к северу от Амударьи как подвластные «варварские» территории, обладающие определенным экономическим потенциалом, прежде всего сельскохозяйственным. Кампыртепа-Пандахеон – крепость на переправе, расположенная на границе между областями, в различной степени затронутыми эллинской цивилизацией, была одним из основных пунктов, контролировавших торговлю с севером.

В период Греко-Бактрийского царства Кампыртепа-Пандахеон продолжает существовать и интенсивно развиваться, хотя в раскопе КТЦ ЮВ построек, относящихся к третьему периоду существования Кампыртепа, не зафиксировано. По всей видимости, в этот период времени эта часть городища застроена не была, хотя жизнь на нем, безусловно, продолжалась. Котловина, в которой функционировало гончарное производство постепенно, на протяжении всего третьего периода, заполняется мусорными слоями. В этих слоях была найдена монета греко-бактрийского царя Евтидема (230–200 гг. до н.э.), что позволило датировать период КТ III последней третью III в. до н.э. По всей видимости, здания, относящиеся к периоду КТ III, находились к западу и юго-западу от раскопа КТЦ ЮВ. Значительная мощность культурных слоев (на отдельных участках немногим менее 2 м) дает основания предполагать, что жизнь на Кампыртепа и в это время была достаточно интенсивной.

В ходе раскопок из слоев периода КТ III был получен многочисленный и весьма представительный керамический материал. Собственно, по набору форм состав комплекса керамики периода КТ III, при его сопоставлении с комплексом периода КТ II, существенно не меняется. Вместе с тем следует отметить некоторое увеличение количества фрагментов кратеровидных сосудов, которые находят прямые аналогии в керамическом комплексе Ай-Ханум⁶⁷. Кроме того, заслуживает внимание и тот факт, что в керамическом комплексе КТ III представлены столовые сосуды (кубки и чаши) с красным или желтым цветом черепка, покрытые двухсторонним черным или темно-коричневым ангобом иногда очень хорошего качества. Небольшое количество фрагментов красноглиняной керамики, покрытой черным плотным ангобом, было найдено в нижних культурных слоях и на других раскопах в пределах цитадели⁶⁸. Видимо, эта посуда изготавливалась как подражание чернолаковой греческой посуде. Следует заметить, что столовая керамика, покрытая плотным черным ангобом, иногда с лошением, представлена в керамическом комплексе эллинистического периода Афрасиаб II, где ее присутствие трактуется как свидетельство связи согдийской керамической традиции с греческой. При этом, по мнению Г.В. Шишкиной, речь идет не о подражании импортным образцам, а о существенной переработке исходных типов посуды⁶⁹. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в керамическом комплексе Кампыртепа периода эллинизма серо-глиняной керамики (восстановительный режим обжига). Вместе с тем посуда с серым или темно-серым черепком довольно часто встречается в эллинистических комплексах левобережной Бактрии. Так, в Ай-Ханум в группе столовой керамики выделяется комплекс черно-серой посуды, составляющей до 15% от общего количества фрагментов⁷⁰. Полное или почти полное отсутствие серо-глиняной посуды в керамических комплексах, датируемых III в. до н.э., отмечается и на других памятниках правобережной Бактрии, прежде всего ее западной

⁶⁷ Gardin 1973, 145–147.

⁶⁸ Восковский 2003, 49.

⁶⁹ Шишкина 1975, 68–69.

⁷⁰ Gardin 1973, 127–133; Rapin 1992, pl. 71; Lyonnet 1997, fig. 42.

и северо-западной части⁷¹. Данный факт вряд ли является случайным. Вероятно, в данном случае можно говорить об определенных локальных различиях в керамическом производстве различных районов Бактрии в эпоху эллинизма.

В период КТ IV, как следует из результатов исследований, планировочная структура памятника меняется. Не исключено, что площадь его немного увеличивается, в частности, осваиваются участки к востоку от цитадели и к северу от нее⁷². Сама цитадель основательно перепланируется в своей юго-восточной части. Мусорными слоями, относящимися к предыдущему периоду, полностью засыпается и частично нивелируется ложбина к северо-востоку от центрального холма. Непосредственно на этих слоях из квадратного сырцового кирпича строятся два монументальных здания, остатки которых выявлены в пределах раскопа КТЦ ЮВ. Следует отметить, что в настоящее время это наиболее ранние монументальные постройки из сырцового кирпича, выявленные на Кампыртепа. От здания № 2 сохранилась лишь цокольная часть, поэтому о его назначении мы можем только догадываться. Судя по сохранившимся остаткам, здание было довольно большим: длина сохранившейся северной стены составляет более 10 м, а ширина самого здания по линии Ю–С была не менее 7–8 м. Обращает на себя внимание тот факт, что здание построено на склоне холма. Таким образом, основания стен северных помещений располагались значительно ниже, чем основания стен южных помещений. При этом стены в южной части (во всяком случае сохранившиеся их части) построены непосредственно на уровне материка, а стены в северной части здания возведены на частично подрубленном культурном слое предыдущего периода. На этом основании есть все основания полагать, что помещения, выявленные в северной части здания, были подвалами. Еще одним аргументом в пользу интерпретации их как подвалов служит тот факт, что в помещениях не обнаружено проходов, т.е. в них спускались сверху.

Надо сказать, что для среднеазиатской строительной традиции периода античности подвалы совершенно не характерны. Здания обычно строились на уровне материка, без какого-либо фундамента, зачастую в качестве цоколя-основания использовались предварительно забутованные ранние постройки, либо специально построенные субструкционные конструкции, отдельные изолированные части которых также забутовывались или заполнялись песком⁷³. Северные помещения здания № 2 на Кампыртепа также можно воспринимать как цокольные конструкции под верхние помещения. Однако наличие в них четко выраженных уровней полов и культурного слоя однозначно свидетельствуют о функционировании этих помещений в период существования здания как подвалов.

В пределах раскопа КТЦ ЮВ вскрыта часть помещения еще одного крупного здания периода КТ IV. Насколько можно судить по полученному материалу, здание было жилым. В одном из его помещений был открыт напольный очаг, а рядом с ним – устройство, напоминающее *ташинау* (полностью вкопанный в пол крупный кувшин и углубление в полу рядом с ним).

По нумизматическим и стратиграфическим данным период КТ IV датируется в пределах первой половины II в. до н.э. Керамический комплекс этого периода по составу форм и морфологическим признакам практически не отличается от комплекса предыдущего периода КТ III. В основном это те же сосуды, находящие себе многочисленные аналогии в керамических комплексах ай-ханумского типа, можно

⁷¹ Некрасова, Пугаченкова 1978, 144–145; Литвинский, Седов 1984, 126.

⁷² Болелов 2006, 35–37.

⁷³ Болелов 1998, 121.

лишь отметить некоторое сокращение количества сосудов (кувшины, горшки), изготовленных вручную, которые в достаточно большом количестве были представлены в комплексах ранних периодов.

Итак, в период КТ IV, который с полным основанием можно отнести к заключительному этапу существования Греко-Бактрийского царства, на цитадели Кампыртепа строятся капитальные жилые или общественные сооружения. Свободная площадь между остатками двух раскопанных зданий была, возможно, началом улицы. Свободный от застройки участок, зафиксированный к востоку от зданий, являлся, вероятно, частью небольшой площади, с которой начинался подъем к центральной части крепости. В этом случае можно предполагать, что еще восточнее находился вход в крепость, связывающий ее с пристанью, находившейся немного выше по течению.

Отсутствие в слоях периода КТ IV каких-либо находок, по которым можно было бы охарактеризовать экономическую или хозяйственную деятельности жителей Кампыртепа, по всей видимости, косвенно свидетельствуют о том, что и в этот период она оставалась крепостью и торговой факторией, основной задачей которой было обеспечение нормального функционирования торговой артерии, связывавшей северные и южные районы Бактрии.

Спустя некоторое время постройки периода КТ IV частично забутовываются, а некоторые из них частично разрушаются. Остатки этих зданий послужили фундаментами для построек периода КТ V, который по стратиграфическим и нумизматическим данным датируется самым концом II в. до н.э. — началом I в. н.э. В этот период застраивается вся площадь центрального холма к западу и к северу от раннего поселения, а по периметру возвышенности возводится мощная крепостная стена⁷⁴. Следует заметить, что по нашим наблюдениям какого-либо значительного хронологического перерыва между периодами КТ IV и КТ V не было. Также не отмечено никаких разрушений или следов пожара. Между тем, учитывая исторический контекст, значительные по масштабам строительные работы и изменения в планировке на цитадели Кампыртепа были предприняты, по всей видимости, сразу же после завоевания Бактрии юзджами, которые вторглись в области к югу от Гиссарского хребта между 140–130 гг. до н.э.⁷⁵ Таким образом, заключительный этап периода КТ IV следует датировать временем не позднее последней четверти II до н.э.

Археологические исследования Кампыртепа еще не закончены. Некоторые вопросы истории и исторической топографии памятника пока остаются без ответа. Так, мы не можем пока точно установить площадь и границы раннего поселения; остается открытым вопрос о характере устройства оборонительной системы Кампыртепа в эллинистический период. В то же время, на основании уже проведенных исследований, как представляется, удалось уточнить и несколько скорректировать периодизацию памятника. С определенной долей уверенности можно говорить о том, что ранняя фаза существования Кампыртепа по стратиграфическим данным подразделяется на четыре периода, которые соответствуют определенным этапам истории Бактрии в эпоху эллинизма.

Период КТ I, весьма непродолжительный по времени, датируется в пределах последней четверти IV в. до н.э. Это время походов Александра Македонского в Бактрию и Согдиану и, возможно, кратковременный период правления греко-македонских сатрапов в период войн диадох.

⁷⁴ Савчук 1989, 78–80; Ртвеладзе 2000а, 6–7; Курбанов (Савчук) 2000, 39–69.

⁷⁵ Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, 46–48.

Период КТ II датируется в пределах конца IV – первой половины III в. до н.э. Это время вхождения Бактрии в державу Селевкидов.

Период КТ III датируется второй половиной III в. до н.э. Это время становления самостоятельного Греко-Бактрийского государства, период правления первых греко-бактрийских царей.

Период КТ IV датируется в пределах от начала до последней трети II в. до н.э. Это период правления последних греко-бактрийских царей до захвата Бактрии юэджами.

Таким образом, ранняя фаза существования Кампыртепа охватывает хронологический период длиной в 200 лет, когда Бактрия находилась под властью греко-македонских царей и на ее территории, на местной основе, в результате взаимодействия иранской и эллинской составляющих, формировался бактрийский вариант восточноэллинистической культуры.

Все это время Кампыртепа-Пандахеон контролировала переправу через Амударью, являясь вначале просто опорным пунктом на переправе, а затем, как можно предполагать, крепостью, выполнявшей функции торговой фактории и занимала важное место в экономической системе Селевкидского государства. Кампыртепа-Пандахеон была одним из основных пунктов на Оксе, через который проходил северный торговый путь из южных районов Бактрии, прежде всего ее столицы Балха, в правобережную Бактрию, горные и предгорные районы западного Гиссара и далее в Согд. Учитывая то, что районы Северной Бактрии и Согда были значительно менее эллинизированы и колонизированы (по сравнению с левобережной Бактрией), Кампыртепа-Пандахеон можно считать пунктом, через который осуществлялась связь между центральными, в значительной степени эллинизированными районами Бактрии, с «варварской» периферией к северу от Амударьи.

Литература

- Абдуллаев А.* 1976: Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. // АРТ. Вып. XII, 38–48.
- Абдуллаев А.* 2005: Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001–2003 гг.) // АРТ. Вып. XXX, 152–172.
- Абдуллаев А., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т.* 1975: Отчет о работах Яванского отряда в 1971 году // АРТ. Вып. XI, 250–262.
- Абдуллаев К.* 2001: Тетрадрахма Антиоха I из кишлака Харпин // НЦА. Вып. V, 11–13.
- Алпаткина Т.Г.* 2009: Тохаристанская археологическая экспедиция. 1999–2009. Страницы истории // МТЭ. Вып. VII / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент.
- Аскаров А.А.* 1977: Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Бартольд В.В.* 1973: Хафиз-и-Абру и его сочинения // ПСС. Т. VIII. М.
- Бикерман Э.* 1985: Государство Селевкидов. М.
- Бирюков Д.В.* 2004: Монета в жизни народов Трансоксианы. Факты, проблемы, концепции // НЦА. Вып. VII, 7–19.
- Бернар П.* 1986: Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 249–258.
- Бобринский А.А.* 1991: Гончарные мастерские и горы Восточной Европы. М.
- Болелов С.Б.* 1998: Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье / Е.Е. Неразик (ред.). М., 116–136.
- Болелов С.Б.* 2001: Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // МТЭ. Вып. II / Э.В. Ртвеладзе (ред.). 15–30.
- Болелов С.Б.* 2006: Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.) // МТЭ. Вып. VI / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 15–81.
- Болелов С.Б.* 2006а: Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (структура и система размещения) // РА. 3, 116–127.
- Болелов С.Б.* 2010: Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на Древнем Востоке / С.Б. Болелов (ред.). М., 26–29.

Восковский А.А. 2000: Результаты работ на шурфе DTC – 4 20 К // Материалы полевых исследований Узбекисанской искусствоведеческой экспедиции (УзИскЭ) / Тургунов Б.А. (ред.). Ташкент, 10–14.

Восковский А.А. 2003: Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя Кампыртепа // АИУз. Вып. 3. 2002 год. Ташкент, 48–50.

Двуреченская Н.Д. 2006: Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МЭТ. Вып. 6 / Э.В. Ртвеладзе, В.С. Соловьев (ред.). Елец.

Денисов Е.П. 1980: Отчет о работе Дангаринского отряда // АРТ. Вып. XV, 100–109.

Дружинина А.П. 2005: Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. Вып. XXX, 86–105.

Довутов Д. 1997: Драхма Селевка с городища Шахри Мунк // НЦА. Вып. II, 5–8.

Дьяконов М.М. 1961: Очерк истории древнего Ирана. М.

Зеймаль Е.В. 1983: Древние монеты Таджикистана. Душанбе.

История 2009: История государственности Узбекистана. Т. I / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент.

Керамическое производство 1966: Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М.

Кошеленко Г.А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.

Кузьмина Е.Е. 1978: Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока / И.Р. Пичикян (ред.). М., 91–203.

Курбанов (Савчук) С. 2000: Археологические исследования цитадели Кампыртепа // МЭТ. Вып. 1 / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 39–74.

Лелеков Л.А. 1978: Локальные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока / И.Р. Пичикян (ред.). М., 226–234.

Литвинский Б.А. 2010: Храм Окса в Бактрии. Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.

Литвинский Б.А., Седов А.В. 1984: Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000: Эллинистический храм Окса. Т. 1. М.

Луконин В.Г. 1971: Искусство древнего Ирана (основные этапы) // История Иранского государства и культуры / Б.Г. Гафуров (ред.). М., 105–122.

Массон В.М. 1977: Зартепе кушанский город в северной Бактрии // История и культура античного мира / М.М. Кобылина (ред.). М., 138–144.

Массон В.М., Рамодин В.А. 1964: История Афганистана. М.

Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. 2006: Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // МЭТ. Вып. V / Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов (ред.), 43–66.

Мокроброродов В. 2005: Раскопки крепости Курганзол в 2003 году // Труды БНЭ. Вып. 2, 52–55.

Мокроброродов В.В. 2006: Стратиграфические исследования Шортепа // МЭТ. Вып. V / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 13–20.

Мокроброродов В.В. 2007: Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансаксиана–Маверраннахр. Ташкент, 148–155.

Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. 1978: Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана / Л.И. Ремпель (ред.). Ташкент, 143–161.

Пидаев Ш.Р. 1984: Керамика Жига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы СААЭ. Вып. III, 112–124.

Пичикян И.Р. 1991: Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический период. М.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. 1978: Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. 1990: Северная Бактрия и Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент.

Пьянков И.В. 1982: Бактрия в эллинистической традиции. Душанбе.

Ртвеладзе Э.В. 1974: Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия / В.М. Массон (ред.). Ленинград, 74–85.

Ртвеладзе Э.В. 1977: К локализации греческой переправы на Оксе // ВДИ. 4, 82–88.

Ртвеладзе Э.В. 1982: О местоположении бактрийского города Аорна // ВДИ. 1, 149–152.

Ртвеладзе Э.В. 1999: Великий шелковый путь. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В. 2000: Археологические исследования Кампыртепа: цель и некоторые итоги // МЭТ. Вып. I / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 3–4.

Ртвеладзе Э.В. 2000а: Кампыртепа – структура, периодизация // МЭТ. Вып. I / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 5–18.

- Ртвеладзе Э.В.* 2001: К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // МТЭ. Вып. 2 / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 3–12.
- Ртвеладзе Э.В.* 2001a: Парфия и юэджийская Бактрия (некоторые аспекты политической истории) // ИМКУ. Вып. 31, 86–90.
- Ртвеладзе Э.В.* 2002: Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент.
- Ртвеладзе Э.В.* 2003: Нижний культурный слой Кампыртепа последней четверти IV в. до н.э. // АИУз. Вып. 3, 153–157.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б.* 2000: Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелов, О.Н. Иневаткина, Т.К. Мкртычев (ред.). М., 99–104.
- Савчук С.А.* 1989: Цитадель Кампыртепа // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана / Г.А. Пугаченкова (ред.). Ташкент, 73–81.
- Сверчков Л.М.* 2006: Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатеп, Курганзол) // МТЭ. Вып. 5 / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 105–125.
- Сверчков Л.М.* 2007: Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды БНЭ. Вып. 3, 31–37.
- Сверчков Л.М.* 2010: Некоторые особенности археологического комплекса конца IV в. до н.э. (Крепость Курганзол) // Древние цивилизации на древнем Востоке / С.Б. Болелов (ред.). М., 87–89.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А.* 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Э.В. Ртвеладзе (ред.), 21–43.
- Седов А.В.* 1984: Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. 3.
- Тарн В.* 1949: Эллинистическая цивилизация. М.
- Фрай Р.* 2002: Наследие Ирана. М.
- Шишкина Г.В.* 1974: Керамика конца IV–II в. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. / Я.Г. Гулямов (ред.). Ташкент, 28–52.
- Шишкина Г.В.* 1975: Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 2, 60–79.
- Якубов Ю., Довутов Д.* 2001: Археологические раскопки на территории Куляба в 2001 г. // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии / Г.М. Майдинова, Ю.Я. Якубов (ред.). Душанбе, 54–69.
- Drujinina A.* 2001: Die Ausgrabungen in Taxt-i-Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadžikistan) // AMIT. Bd 33, 257–282.
- Drujinina A.* 2009: Wohnen im hellinistischen Baktrien – Wohnhäuser in der Stadt Oxieane (Tacht Sangin) // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Mannheim, 177–183.
- Gardin J.K.* 1973: Les Céramiques // Fouilles d'Aï KHANOU. MDAFA. T. XXI, I. P., 121–188.
- Lyonnet B.* 1997: Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête Arabe. P.
- Rapin K.* 1992: La Trésorerie du Palais hellénistique d'Aï KCHANOUM. MDAFA. T. XXXIII. Pl. 71.
- Swertschkow L.* 2009: Die Grabungen im Form Kurgansol im Süden Usbekistans – neun Daten zur Geschichte Zentralasiens am Ende des 4 Jrs. v. Chr. // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Mannheim, 145–155.
- Tanabe K., Hori A.* 2000: Excavation at Dal'versin Tepe, Uzbekistan, 1999 // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. XX. Soka, 101–162.
- Veuve S.* 1987: Le Gymnase. Architecture, céramique, sculpture // MDAFA. T. XXX. P. 11.

KAMPYRTEPA IN THE HELLENISTIC PERIOD

S. B. Bolelov

The author analyses results of excavations at Kampyrtepa in Southern Uzbekistan. During the recent years deep cultural layers corresponding to the Hellenistic period have been discovered here. The materials unearthed allow the author to describe the lay-out of the complex and the character of dwelling houses, as well as the material culture of the early periods of this monument's existence. Kampyrtepa, founded not later than at the last quarter of the 4th century BC, was a strong point at one of the most important crossings of the Amu-Darya. It was on the trade route connecting Balkh, the capital of Bactria, with the «barbarian» periphery of the Seleucid state north of the Amu-Darya.